

КИНО

Горбачев и немецкие пряники

Посмотрев «Встречу с Горбачевым» — фильм, составленный из трех бесед великого Вернера Херцога с 88-летним Михаилом Горбачевым, последним Генеральным секретарем КПСС, первым и последним президентом СССР, поклонники режиссера обречены испытать разочарование, считает кинообозреватель газеты «Коммерсантъ» **Михаил Трофименков**.

Михаил
Трофименков

От Вернера Херцога — певца авантюристов и тиранов — меньше всего ожидаешь столь аккуратного, слишком аккуратного фильма, напоминающего главу из школьного учебника истории. Едва ли ни впервые Херцог, всю жизнь нарушавший все возможные правила всех художественных и политических игр, сыграл по правилам, да еще и по правилам едва ли не телевизионной журналистики.

Разочарованы должны быть и русские зрители, приученные за последние пару десятилетий к тому, что история не объективный процесс, а дешевый детектив, состоящий из тайн, заговоров и скандалов. Не говоря уже о том, что, наверное, для большинства этих зрителей Горбачев — безусловно отрицательная фигура, разрушитель Советского Союза, с дистанции времени все более кажущегося светлой «страной детства». Парадокс в том, что короткое правление Горбачева (1985–1991) как раз дает основания для конспирологических конструкций. Слишком стремителен был переход от многообещающей «перестройки» Советского Союза к его катастрофическому распаду. Слишком много неясностей остается в истории попытки государственного переворота в августе 1991 года. Слишком много подробностей борьбы Горбачева — сначала с «консерваторами» в советском руководстве, а затем с радикальным разрушителем СССР Борисом Ельциным — не раскрыты и вряд ли будут раскрыты.

Однако ждать от Горбачева откровений и разоблачений наивно. Этому мешает владение искусством аппаратных интриг, не освоив которое он не вознесся бы во главу великой страны, и партийной риторикой, позволяющей, произнеся много слов, ничего не сказать по существу. Мешает и образ Горбачева, который сложился в глазах человечества и которому он — как любая мировая звезда — обязан соответствовать. И, наконец, мешает возраст заглавного героя: в 90 лет все минувшие триумфы и падения должны казаться мирской суетой.

Тем не менее для Херцога беседы с Горбачевым безусловно имели некий высший смысл, и понять, в чем этот смысл, можно, только встав на

Кадр из фильма.
Вернер Херцог беседует
с Михаилом Горбачевым

точку зрения самого Херцога. А в данном случае он выступил в двойной ипостаси: Горбачев интересен ему и как режиссеру, и как немцу.

Как ни удивительно, тот Горбачев, который предстает на экране, — благородный, вполне буржуазный

поцугу таким же идеалистом, принесшим свою политическую судьбу — и это несмотря на десятилетия, проведенные в номенклатурной среде, онтологически враждебной любому намеку на идеализм, — во имя своей мечты. Агирре мечтал о «золотой стране» Эльдorado, Фидкаральдо — об оперном театре в джунглях Амазонии, Горбачев — о мире во всем мире, дружбе геополитиче-

жил оружие. Причем сложил его дважды. Сначала инициировал прекращение холодной войны фактически на условиях Запада. Затем, покорившись — объективно мятежному — решению президентов четырех союзных республик о роспуске СССР, ушел в отставку с президентского поста. Любому человеку, не обладавшему и миллионной долей той власти, которой обладал Горбачев, немисливо представить себе, чего стоило ему такое добровольное разоружение. Сам Горбачев, судя по фильму, до сих пор сомневается в том, правильно ли поступил, не отставя Советский Союз. Иначе не объяснить вдруг — едва ли ни впервые после отставки Горбачева — выплеснувшуюся ярость по поводу отнесившего его от власти Ельцина: «С ним надо было поступить иначе. Надо было его отправить в другое место. Мне обидно за свой народ».

Герои документальных фильмов Херцога устремлялись во имя блага человечества в джунгли и кратеры вулканов, неприступные горы и арктические льды. Подобно им, и Горбачев повел свою страну в неизведанные и опасные дали. Что ж, гибель СССР лишь подтверждает сквозную идею кинематографа Херцога о

гибельности мечты для самого мечтателя, но одновременно ее необходимости для человечества.

Человечества — и в первую очередь Германии. В своих прежних фильмах Херцог выступал в амплуа, условно говоря, «метафизического немца», интерпретатора национальной философской традиции, романтика, борющегося с филистерством и верующего в мир «как волю и представление». Во «Встрече с Горбачевым» он впервые заявил о себе как о «физическом», или, точнее говоря, «политическом» немце. И в этом своем качестве он не может не испытывать перед Горбачевым неподдельный трепет.

Было бы пошлым журналистским приемом переиначить по этому поводу русскую поговорку «Что русскому здорово, то немцу смерть», поменяв в ней местами обобщенного русского и гипотетического немца. Но что касается исторической роли Горбачева, то переиначенная поговорка как нельзя точно отразила бы если не его реальную историческую роль, то восприятие этой роли русским массовым сознанием. Для этого сознания Горбачев — не в лучшем смысле слова — «хороший немец», а, что «немцу здорово, то рус-

скому смерть». То есть политик, действительно слишком торопливо, без должной подготовки выведший советские войска из Германии, слишком поспешно одобивший ее воссоединение, которое в России воспринимают как поглощение германского Востока германским Западом.

К чести Херцога, он сознает весь исторический трагизм отношений России и Германии и начинает фильм с прощения, которое приносит в лице Горбачева советскому народу за нацистские преступления. В разговоре с Горбачевым это не простая формальность: последний президент СССР еще и один из последних людей, которые помнят бедствия войны. Что ж, Горбачев реагирует на эпитимью Херцога интуитивно и идеально, с позиции вечности, возвышающей, казалось бы, пустячное воспоминание над глобальными трагедиями. Он чувствует, что с его стороны было бы нелепо и неправильно прощать или не прощать былые грехи целой стране, и снимает неизбежно возникающее напряжение анекдотическим воспоминанием детства. Дескать, самые вкусные пряники он маленьким мальчиком еще до войны попробовал в колхозе, созданном советскими немцами. Пара слов — и проблема снята. И можно вспоминать о напряжении переговоров с Рейганом в Рейкьявике, о поддержке, оказанной молодому генсеку Маргарет Тэтчер, и принимать благодарность Херцога за демонтаж Берлинской стены, вывод войск и непротивление объединению.

Не берусь сказать, чувствуют ли все современные граждане Германии ту же признательность Горбачеву, что и Херцог. Возможно, Горбачев воспринимается ими как политик давно минувшей эпохи, чуть ли не современник Черчилля и Трумэна. Херцогу виднее — недаром же он счел необходимым напомнить своей аудитории о роли Горбачева. И задано чуть-чуть, ненавязчиво, но перекинуть мостик между вчерашним политическим днем и сегодняшним, между СССР и современной Россией, потеревить европейскую обиду на США. Боже упаси, Херцог делает это не от порога лица. Он поступает гораздо изощреннее: вкладывает свои мысли в уста, наверное, не самых симпатичных ему политиков. И вот уже сам Джеймс Бейкер, бывший госсекретарь США, сквозя зубы признается на экране, что от претензий современной России к Западу не стоит отмахиваться — у России есть все основания отстаивать свой взгляд на состояние мировой политики. В обстановке новой Холодной войны это дорожное стоит. Ну а то, что Горбачев остается для зрителей — и, пожалуй, для самого Херцога — «вещью в себе», так это его достоинство, а не дефект фильма.

ПОРТРЕТ

«Пиковая дама — это просто счастье»

Как сибирячка Мария Катаева стала звездой Немецкой оперы на Рейне. Ее история — в материале **Дарьи Боль-Палиевской**.

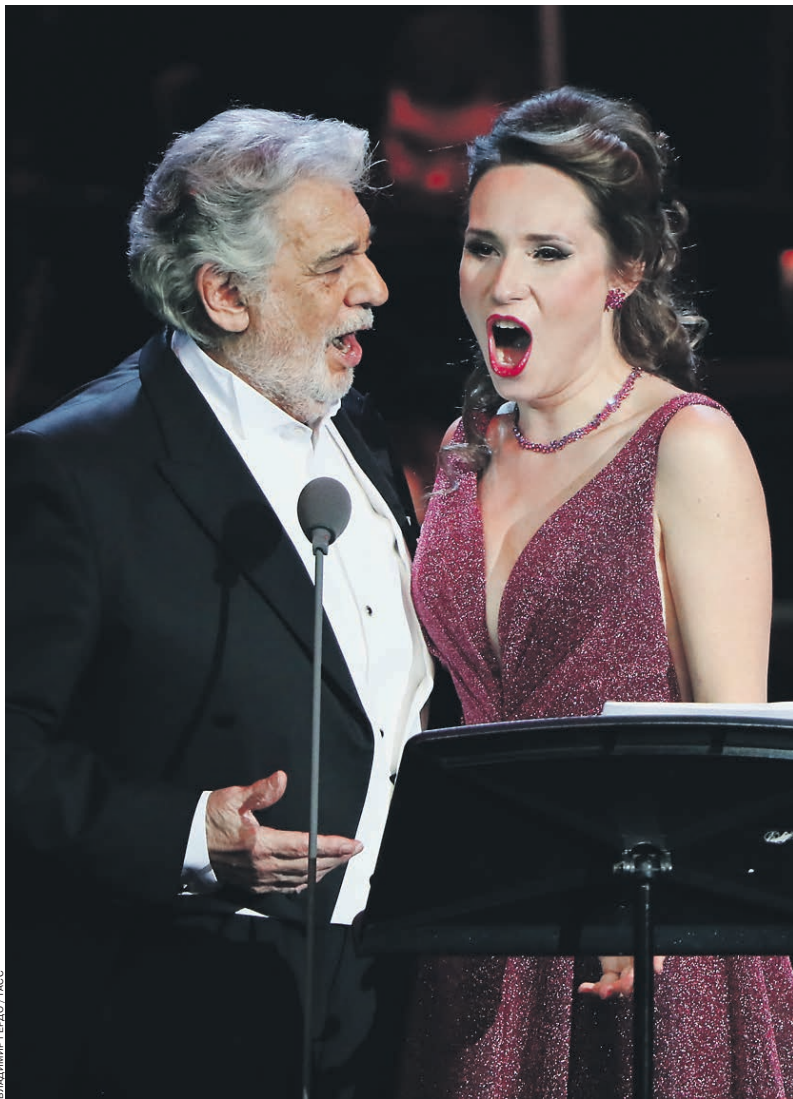
Дарья
Боль-
Палиевская

«Как девочке из далекого сибирского города, в котором нет оперного театра, пришла в голову мысль стать оперной певицей?» — именно это было первым, что спросил концертмейстер Немецкой оперы на Рейне Марию Катаеву, тогда лишь пришедшую в оперную студию Дюссельдорфа. Впрочем, то, что станет певицей, она знала уже в 4 года. И это притом, что услышать живую оперу она могла лишь после восьми часов пути поездом до Новосибирска. Но что такое расстояния, если есть мечта! После музыкального училища Мария решила сразу поступать в Петербургскую консерваторию.

Еще студенткой она прошла кастинг в Дюссельдорфской опере. Руководство театра сразу предложило юной меццо-сопрано место стажера. «Мне-то казалось, что я должна начать в каком-нибудь маленьком питейском театре в небольших ролях и потихоньку двигаться вверх. И, может быть, когда-нибудь оказаться в какой-нибудь постановке в Европе. Все произошло так быстро и неожиданно, что я до сих пор не могу этого

осознать», рассказывает Мария. — Я не ожидала такой огромной нагрузки в Оперной студии. В первый сезон у меня было 60 спектаклей плюс мастер-классы. Да и консерваторию я еще не закончила и летала в Питер сдавать экзамены». Осваиваться в новой стране помогал муж. К тому времени баритон Дмитрий Лавров уже был солистом Немецкой оперы на Рейне: «Это огромное счастье, что мы с мужем получили контракт в одном театре. Правда, когда я проходила прослушивание, никто об этом не знал. Среди наших друзей очень много певцов-коллег, где супружеские пары вынуждены жить по разным городам и даже странам».

Сегодня меццо-сопрано Мария Катаева — звезда Дюссельдорфского оперного театра, специально для нее ставятся спектакли. Задумывается ли она, как бы сложилась ее карьера, если бы она осталась в России? «Думаю, я была бы другой. Оперное пение — это не просто набор красивых звуков. На каждом языке нужно звучать как можно ближе к оригиналу. А в оперной студии в Дюссельдорфе есть языковые коучи. Я всегда стараюсь изучать не только язык, но и культуру страны. Мне кажется, что у меня теперь другие уши. Я ведь слушала певцов самых разных вокальных школ. Это, как говорят немцы, вишенка на торте, делающая и твое музыкальное дарование особенным, — размышляет певица. — Но основа основ — это все-таки русская школа». «Танец, сценическое мастерство, обязательное владение музыкальным инструментом, теория музыки — все

Наверное, одна из вершин карьеры Марии Катаевой — дуэт с самим Пласидо Доминго

это входит в нашу систему образования. В Петербургской консерватории, например, даже был свой театр, где студенты ставят спектакли. Наше образование дает возможность развиваться в любом направлении», — считает Мария. — Я до сих пор держу связь со своим педагогом Галиной Ивановной Киселевой. Каждый раз, когда бываю в Петербурге, показываю ей».

Кармен, Розина, Золушка, королева Елизавета, Керубино... Моцарт, Гендель, Россини, Оффенбах, Доницетти, Верди, Бизе... Репертуар русской певицы огромен. Скучала она только по русской музыке. Однако в прошлом году Немецкая опера на Рейне поставила «Пиковую даму» Чайковского, где Мария Катаева исполнила партию Полины: «В русской оперной музыке не так много партий для лирического меццо-сопрано, а в Европе вообще ставят всего несколько русских опер. Поэтому для меня это было счастьем. Правда, иногда нужно было себя переламять, когда работала с режиссером, который никогда не был в России, не изучал русскую музыку или литературу... Приходится искать компромисс. Но, видимо, это мы русские так на это смотрим, а европейцам современное прочтение нравится».

Прошлый год стал для Марии Катаевой особенным. Она получила серебро и приз зрительских симпатий на международном конкурсе «Опералия» в Праге. Этот конкурс ежегодно устраивает Пласидо Доминго. Специально для программы нужно было выучить сарсуэлу — особый испанский музыкальный жанр. «Я пою на немецком, итальянском, фран-

цузском, русском. А тут пришлось осваивать еще и испанский!» — и вместе с тем певица признается: «Тяжелее всего для меня петь именно по-немецки. Здесь свои особенности: короткие гласные, которые противоречат самому вокальному процессу, много вместе стоящих согласных. Приходится подстраивать свой голосовой аппарат. Может быть, поэтому до больших Вагнеровских партий я еще не доросла».

В следующем году Марию ждет знаменитый Зальцбургский фестиваль, где она по приглашению звезды современной оперы Роландо Вильясона примет участие в исполнении реквиема Моцарта. В Дюссельдорфе русская меццо-сопрано поет уже десятый сезон. Стал ли немецкий город для нее второй родиной? «Знаете, театр однозначно стал родным. Когда-то я только мечтала, что однажды буду стоять здесь на сцене. А теперь руководство оперы вместе со мной обсуждает репертуар, специально для меня даже возобновили старую постановку оперы Россини «Золушка». Теперь я уже нахожу в себе смелость иногда говорить „нет“, если думаю, что какая-то роль мне не подходит. Но мне повезло с голосом — я могу петь довольно широкий репертуар: французский романтизм, итальянское бельканто, немецкая музыка — мне все это нравится».

Все еще одна мечта русской меццо-сопрано осуществилась. Она впервые выступила у себя на родине в России, приняв участие в грандиозном концерте Пласидо Доминго в Москве.